

Теперь вместе с ним был Янь Уши, и им больше не нужно было идти по главным дорогам, которые считались безопаснее, обычных путей. Чтобы срезать, вместо того, чтобы идти через Чанъань, Янь Уши отправился сначала прямо на юг в префектуру Луо, затем в сторону префектуры Ю, оттуда в префектуру Сюй.

Этот путь был значительно короче, но из-за того, что он пролегал вблизи от границ Ци и Чжоу, эти места были не очень мирными. В прошлом году произошло много бедствий, и территорий подверженных засухе стало значительно больше, из-за чего все чаще и чаще можно было встретить беженцев, направляющихся в сторону процветающих городов в поисках еды. Янь Уши не нуждался в карете, поэтому он даже не нанял ее. Несмотря на состояние Шэнь Цяо, он отправился в путь пешком, а на его лице читалось: “Если ты можешь поспевать за мной — ты должен поспевать за мной, если ты не можешь — ты все равно должен”.

Они путешествовали так в течение нескольких дней, один шел следом за другим. Уже на подходе к столице префектуры Сиан, они встретили очередную группу беженцев снаружи города.

Эти люди пришли сюда из префектуры Гуан. Из-за голода, им пришлось проделать тысячи километров, чтобы добраться до более благополучной префектуры Сиан. Но мало того, что местный управляющий не согласился открыть им ворота, он также приказал солдатам сторожить городские стены, чтобы ни один беженец не смог попасть внутрь.

У пришедших беженцев не было сил идти к другим префектурам, поэтому они остановились здесь — фактически ожидая своей мучительной и медленной смерти.

С точки зрения регионального правительства, ничего удивительного в том, что региональный инспектор префектуры Сиан поступил именно так, не было. Количество продовольствия в их городе было ограничено. Если бы он впустил этих беженцев, ему пришлось бы взять на себя ответственность за них и пристроить куда-нибудь. Однако эти люди были под юрисдикцией другого региона. Поступив подобным образом, он бы доставил своей префектуре куда больше проблем, чем пользы. Когда еда закончилась бы, пострадали бы и местные жители. Нынешний император Ци, Гао Вэй, вместо того, чтобы решать государственные проблемы, полностью отдавался радостям жизни и удовольствию. Прежде чем еда назначенная им Императорским Судом дошла бы до места назначения, ее количество изрядно поубавилось бы, пройдя сквозь многочисленные бюрократические слои. К тому же, даже если региональный инспектор префектуры Сиан все-таки решил би и приютил этих беженцев, он бы все равно не получил никакого вознаграждения от Императорского Суда.

От префектуры Сиан до горы Сюаньду было как рукой подать. Если отправиться отсюда на юго-запад, через несколько дней можно было достичь гору Сюаньду, расположенную рядом с префектурой Миан.

Чем ближе они приближались к Сюаньду, тем лучше становилось настроение Янь Уши.

Он даже замедлил свой шаг, чтобы Шэнь Цяо смог нагнать его, с интересом рассматривая

местные достопримечательности и культуру. Людям со стороны, не знающим об их отношениях, могло показаться, что это двое были лишь парой старых друзей, решивших отправиться вместе путешествовать.

Янь Уши обратился к Шэнь Цяо:

— В период Воюющих царств, префектура Сиан принадлежала Чу, поэтому здесь сохранилось довольно много культурного наследия Чу. Когда-то эту землю можно было назвать богатой и густонаселенной, однако, к ее великому сожалению, Гао Вэю было не до этого клочка земли. Все достижения многих поколений семьи Гао скорее всего будут уничтожены его же руками.

Янь Уши очевидно не уважал нынешнего императора Ци, обращаясь к нему сугубо по имени и фамилии.

Шэнь Цяо прищурился. Он смог с трудом различить фигуры людей, собравшихся снаружи города — среди них больше всего было стариков, женщин и детей. К счастью, погода пока не была чересчур жаркой. В противном случае здесь бы уже давно произошла вспышка чумы. Он непроизвольно покачал головой и вздохнул:

— В жизни крестьянина так много трудностей!

Янь Уши равнодушно прокомментировал:

— Подобные сцены можно увидеть и в других государствах. Со времен восстания пяти варваров в конце правления династии Западного Цзиня, все стороны были втянуты в бесконечные битвы за власть, проливая бесчисленное количество крови и застилая земли морем трупов. Подобные ситуации с голодом происходят каждый год, особенно у границ между государствами. Чтобы избавиться себя от проблем, каждое государство старается сбросить беженцев соседям. Когда же год выдается процветающим, они объявляют войны и захватывают города соседних государств. Повсюду периодически вспыхивают протесты и мятежи, а политические силы так легко сменяют друг друга, что каждые несколько лет меняются и правительства государств. Поэтому никому и в голову не приходит тщательно управлять страной, особенно Северному Ци.

Шэнь Цяо ответил ему:

— Однако я слышал, что глава Янь имеет высокое положение в Северном Чжоу, а его император всецело полагается на Вас. Я предполагаю, что глубоко в своем сердце Вы думаете, что император Северного Чжоу будет тем, кто объединит все земли?

Убрав руки за спину, Янь Уши лениво ответил:

— Среди императоров никогда не было особого выбора, они либо мудрые, либо беспомощные. Разница только в том, что некоторые могут сдерживать свои желания, в то время как другие

либо не могут, либо не хотят. Несмотря на то, что Юйвэнь Юн чересчур увлекается войной и убийствами, он запретил как Буддизм, так и Даосизм, к тому же он также не недолюбливает Конфуцианство. Он не доверяет ни одной из Трех школ, поэтому выбора у него не так уж и много. Мне также требуется его помощь, чтобы объединить все три демонические школы. Семья Юйвэнь уже долгое время живет на Центральных равнинах. Пускай их предки принадлежали Сяньбэю, они уже давно китаизировались. Все системы в Чжоу очень похожи на Ханьские системы. Будучи императором, он необязательно хуже того, кто правит Южным Чэном.

Спустя столько дней, основываясь на услышанном, Шэнь Цяо теперь имел более или менее общее представление о власти в этом мире.

Монах Сюэтин, который попытался остановить Янь Уши в храме Чуюнь, тоже поддерживал Северный Чжоу. Однако он был сторонником бывшего императора, Юйвэнь Ху, вместо нынешнего императора Юйвэнь Юна.

Также монах Сюэтин когда-то являлся учеником школы Тянтай. Он был младшим братом по боевым искусствам нынешнего главы школы Тянтай главы Файи. Однако сама школа Тянтай скорее поддерживала политику Южного Чэна. Это вызвало многочисленные внутренние проблемы в Тянтай, а рассказ об этом привел бы к очередной длинной истории.

После того как Юйвэнь Юн вернул себе власть, которая должна была принадлежать ему по праву, чтобы убрать остатки влияния Юйвэнь Ху, он более не мог позволять Буддийским школам занимать важные позиции. Поэтому в эти дни монах Сюэтин и его ученики оказались в довольно неловком положении в Северном Чжоу. Они не полностью потеряли свой статус, но пока Юйвэнь Юн был на троне, монах Сюэтин вряд ли смог бы вернуть свою прошлую честь и славу.

Что касается Юйвэнь Юна, ему казалось, что Три Школы преследовали свои цели. Объединившись с одной из них, он рано или поздно будет вовлечен в их дела и привел бы одну из них к процветанию. Именно этого Юйвэнь Юн, будучи амбициозным и гордым Императором, не мог позволить. По сравнению с ними, секта Хуаньюэ также имела свои определенные цели, вот только работать с ними было куда приятнее — они не требовали от Юйвэнь Юна поддержки для продвижения своих учений и не влияли на его собственное мнение.

Оба мастера болтали, направляясь к городским воротам.

Простые люди или путешествующие торговцы часто нуждались в поиске компаньонов для путешествий, чтобы противостоять угрозе со стороны беженцев. Лучшим решением для путешествующей группы был найм сильного охранника мужского пола, потому что изголодавшиеся беженцы часто превращались в бандитов. Когда они осознавали, что просить милостыню было бесполезно, они начинали грабить и воровать. В самых отвратительных случаях, если им на пути попадалась хорошенькая женщина или ребенок, они теряли не только свое целомудрие, но могли и оказаться мясом в супе.

При таких обстоятельствах, комбинация Янь Уши и Шэнь Цяо выглядела довольно необычно и приметно.

Один из них был без оружия, второй нуждался в поддержке бамбуковой трости и выглядел так, словно он только что оправился после тяжелой болезни. С какой стороны ни глянь, они совсем не походили на обычных путешественников.

Время от времени беженцы, находящиеся на стороне, глядели на них изголодавшимися глазами. Одного взгляда Янь Уши хватало им, чтобы понять — с этим человеком лучше не связываться. Беженцы не осмелились подойти к нему и попросить милостыню, поэтому все что им оставалось, было переключить свое внимание на спокойного и внешне мягкого Шэнь Цяо.

Среди этих беженцев были и муж с женой, тянущие за собой по дороге трех детей. Они были словно ходячие скелеты, из-за чего было трудно сказать являлись ли они еще людьми. С этими пустыми взглядами они скорее походили на марионеток или зомби. Самому старшему на вид было шесть семь лет, а самой младшей — два три года. Она пошатывалась с каждым шагом, но у ее родителей не было сил нести ее, поэтому все что ей оставалось это схватиться за подол одежды ее матери и следовать за ней.

Если ничего не изменится, младшего ребенка однозначно обменяли бы на другого ребенка, чтобы пополнить рацион ее родителей. Или возможно она бы была убита и съедена собственными родителями. Для людей, живущих в военное время и находящихся в таких сложных обстоятельствах даже любовь и кровные узы не были чем-то важным, лишь бы выжить самим.

Увидев проходящего мимо Шэнь Цяо, эти родители встали перед ним на колени и умоляли его дать им немного еды. Тот задумался на момент, а затем немного повозился со своими карманами. Он достал один блинчик завернутый в промасленную бумагу и вручил его самой младшей.

Оба взрослых были безумно счастливы. Они снова и снова кланялись, и благодарили его. Отец выхватил блинчик из рук младшей дочери и тут же откусил большой кусок. Увидев с каким нетерпением его жена и дети смотрели на него, еще долго поколебавшись, он отломил небольшой кусочек и вручил его жене.

Его жена не стала есть этот кусочек, вместо этого она очень осторожно и ласково, словно держа в своих руках некое сокровище, разорвала его на еще несколько более мелких кусочков и отдала их детям.

Этот блинчик не был большим, поэтому его быстро съели. Остальные беженцы почувствовали зависть. Они с жадностью взглянули на Шэнь Цяо.

Отец начал упрашивать Шэнь Цяо:

— Мои дети голодали уже несколько дней. Может ли этот благородный господин дать нам еще блинчиков, чтобы у них были силы добраться до города?

Однако Шэнь Цяо отказал ему:

— Я тоже не богат. У меня только два блинчика. Один я отдал вам, а второй я должен оставить себе.

Услышав, что у Шэнь Цяо все-таки была еще еда при себе, отец изменился в лице. Заметив, что глаза Шэнь Цяо были покрыты туманной пеленой, а сам он поддерживал себя бамбуковой тростью, злая мысль зародилась в его сердце. Он кинулся в сторону Шэнь Цяо.

Кто же знал, что прежде чем он успеет коснуться рукава этого путешественника, сам он уже отправится в полет в противоположную сторону. Упав на землю, отец издал пронзительный вопль.

Что касается Шэнь Цяо, то тот выглядел все таким же больным и слабым, как и прежде. Никто бы не подумал, что тот мог вот так отправить кого-то в полет.

Очевидно он не ожидал, что его сиюминутное бескорыстие приведет к такому результату. Он посмотрел на жену и детей этого мужчины. Они прижались все друг к другу в страхе.

После подобного остальные непоседливые беженцы разумеется не стали действовать опрометчиво.

Тот мужчина с трудом поднялся на ноги. Он не просил пощады, а как раз-таки наоборот стал ругаться:

— Хочешь избить меня до смерти, так давай! Люди вроде тебя лицемерны. Ты просто хотел добиться наших поклонов и благодарностей, заработать себе добродетелей, я прав? Тогда почему бы тебе не закончить начатое? У тебя же есть еще один блинчик, почему не отдашь его?! Если ты не собирался идти до конца, так зачем тогда вообще начал? Дать нам почувствовать лишь сладкий вкус, но не дать нам насытиться — как это отличается от нашего убийства?!

Шэнь Цяо вздохнул. Он покачал головой и отвернулся, уходя, не проронив ни слова.

Все это время Янь Уши стоял рядом, не слишком близко, но и не слишком далеко от него. Он наблюдал за происходящим беспристрастно, с заведенными за спину руками. Он не вмешивался и не уходил, словно он просто ждал Шэнь Цяо с легким подобием улыбки на лице.

Из-за проявленного Шэнь Цяо мастерства, другие, даже зная, что у него есть еда, могли лишь беспомощно смотреть ему вслед.

Янь Уши подождал пока тот подойдет поближе прежде чем сказать:

— Чашка риса — это доброта, однако пикуль риса приводит к вражде. Когда-нибудь слышал такую поговорку?

Шэнь Цяо вздохнул:

— Это было так беспечно с моей стороны. Сейчас многие страдают. Я просто не могу спасти их всех.

Янь Уши усмехнулся:

— Даже их отцу нет дела до жизни этих детей, а ты решил помочь ему позаботиться о них. У главы Шэнь большое сердце, вот только человеческая натура и желания словно бездонная яма, которую невозможно наполнить. Он никогда не поймет твоей доброты. Если бы ты не смог защитить себя сегодня, то мог бы оказаться в котле.

Шэнь Цяо серьезно задумался над этим:

— Если бы я не смог защититься, то не пошел бы этим путем, и скорее всего выбрал бы обходной путь. Пускай он был бы немного длиннее, зато я смог бы избежать мест с беженцами. Люди по своей натуре стремятся к благу и избегают неприятностей. Я не святой, поэтому не отличаюсь от них. Все дело в том, что я просто не могу спокойно смотреть на то, как люди страдают.

Он выбирал путь добра и держался в его направлении, Янь Уши же верил, что человек по своей природе злой. С самого начала, имея разные убеждения, они не могли прийти к общему согласию. И пускай Янь Уши был сильнее и потому с легкостью мог убить его, даже на волосок от смерти, Шэнь Цяо бы не поменял своего мнения о человеческой природе.

После этого разговора напряженная атмосфера между ними, которая до этого чудом разрядилась, вновь накалилась.

— Господин!

Маленький слабый голос раздался сзади.

Шэнь Цяо обернулся, но лишь увидел расплывчатую фигуру. Она была маленькой и низкой, поэтому скорее всего принадлежала ребенку.

Этот ребенок подбежал к нему, встал на колени и отдал три искренних поклона:

— Господин, большое спасибо за подаренный блинчик. Мой отец повел себя очень грубо. Я... Все, что я могу дать вам, это низкий поклон в знак благодарности! Человек вроде Вас наверняка очень великодушен, поэтому, прошу, не принимайте его поступок близко к сердцу!

Как он мог переживать об этом перед ребенком? Шэнь Цяо вздохнул, а затем помог тому подняться с земли:

— Я не принимал это близко к сердцу. Я слышал, что через пару дней будет день рождение Будды. Люди в столице префектуры Сиан поклоняются Будде. В тот день они установят лавки раздающие рисовые каши и позволят определенному количеству беженцев войти в город. У тебя все еще есть небольшой шанс выжить.

Глаза мальчика загорелись. Он снова несколько раз поклонился:

— Большое спасибо, что рассказали мне об этом, господин. Если у меня будет шанс в будущем, я обязательно отплачу вам за ваше добро. Я поставлю алтарик долголетия в вашу честь!

Шэнь Цяо погладил того по голове и ласково ответил:

— В этом нет нужды. Просто хорошо позаботься о своей матери и о младших братьях и сестрах.

Мальчик решительно кивнул, после чего прошептал:

— Вы можете спать спокойно. На самом деле, я не стал есть тот кусочек блинчика, что мне дала мама. Я тайно отдал его своей младшей сестре!

Шэнь Цяо почувствовал грусть слушая его, и глубоко в душе вздохнул. Этот мальчик был таким заботливым. Немного поразмыслив, он достал второй блинчик и вручил его мальчику:

— Отнеси его обратно и съешь. Только не позволяй своему отцу узнать про него.

Этот ребенок был хилым и истощенным от голода, но, с непонятно откуда взявшейся силой, решительно отказывался взять блинчик, чтобы Шэнь Цяо ни говорил. В итоге силой впихнув блинчик тому в руки, Шэнь Цяо напомнил ему:

— Если ты продолжишь отказываться, возникнут проблемы, когда другие увидят, что я тебе предлагаю.

У мальчика не осталось выбора, кроме как согласиться. Он встал на колени и снова поклонился Шэнь Цяо, настаивая:

— Господин, пожалуйста, скажите мне свое имя!

— Меня зовут Шэнь Цяо.

— Шэнь Цяо... - мальчик несколько раз повторил это имя. Скорее всего он спутал “Цяо” с каким-то другим словом или значением, но Шэнь Цяо не стал заикливаться на этом и исправлять его.

Мальчик направился обратно, каждый раз то и дело оборачиваясь назад.

Янь Уши сказал:

— Становится темно, давай скорее войдем в город.

Шэнь Цяо был немного удивлен тем, что Янь Уши никак не высмеял его в этот раз. Он сам усмехнулся:

— Ничего не скажешь?

Янь Уши ответил тому холодно:

— Кто-то вроде тебя просто обожает делать глупые вещи и не будет слушать меня, даже если я выскажу свое мнение. Так зачем мне тогда тратить свои силы впустую?

Шэнь Цяо улыбнулся, прикоснувшись к носу, но ничего не ответил.

В этом мире полно злобы, но он не хотел отказываться от веры в добро лишь из-за переизбытка зла.

Даже ради этой капли доброты, он чувствовал, что поступил правильно, обменяв ее на блинчик.

<http://bllate.org/book/14532/1287313>